

**Лада Лузина
Рецепт Мастера
Революция амазонок
Книга 1**

Башня Киевиц на Ярославовом Валу, 1

Три молодые женщины-киевлянки случайно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как они распорядятся им, ведь они такие разные — бизнес-леди Катерина Дображанская, певица Даша Чуб и студентка исторического факультета Маша Ковалева.

По воле судьбы они оказались в Прошлом, где Катя стала миллионершей, Даша, украв стихи у Анны Ахматовой, — известной поэтессой и пилоткой Изидой Киевской, а Маша ушла в монастырь под именем Отрока Пустынского.

Теперь, чтоб сохранить свое благосостояние, с помощью дочери Кылыны Акнир им нужно отменить октябрьскую революцию. Для этого они похищают царскую семью...

Но каковы будут последствия этой Отмены?

И кто устроил революцию на самом деле?¹

Глава из предыдущей книги «Киевские Ведьмы. Рецепт Мастера. Спасти Императора!»

Глава одиннадцатая, в которой женщин обвиняют во всех

¹ Начало истории читайте в книгах «Киевские ведьмы. Выстрел в Опере». «К.В. Рецепт Мастера. Спасти императора».

смертных грехах

В 1917 (23 февраля по ст. ст.) году в России Международный женский день отмечался левыми организациями с 1913 года в последнее воскресенье февраля. В этом году русские женщины забастовали на два дня раньше, требуя «хлеба и мира» и не обращая внимания на отказ политических лидеров поддержать их выступление. Дальнейший ход событий хорошо известен: через четыре дня пал царизм и народ получил демократические свободы.

* * *

— Мать моя, что ж вы так долго?.. Мария Владимировна, умоляю, идемте быстрее! — быстро скользнув по Кате, как по чему-то неважному, Акнир вцепилась взглядом в Машу.

Катерина Михайловна не обиделась — обида давно находилась за пределами ее самосознания. Обижаются те, кто не способен сложить себе цену и ждет оценки от других и болезненно вздрагивает от того, что в глазах другого их стоимость невелика. А госпожа Дображанская точно знала себе цену, как и цену переменчивых настроений Акнир, а оттого отреагировала не на адресованную ей пустоту, а сугубо на явную и подозрительную перемену в

отношении Маши.

Из одного того, что лжеотрок неожиданно удостоилась имени-отчества, было понятно: случилось нечто ужасное.

Но непонятного пока было больше... Взять хоть пейзаж, на фоне которого разыгралась вся эта сцена!

Взятая внаем неприметная коляска г-жи Дображанской и тряская двуосная повозка Отрока Пустынского, управляемая худосочным монахом в безликом куколе, стояли посреди бесконечного, скованного бесснежным морозом, бескрайне-черного поля, разлегшегося далеко за пределами Киева (и дабы добраться сюда, в указанное ведьмою место, Катерине Михайловне, вынужденной занять место кучера, понадобилось четыре часа, немало терпения и Митин компас в придачу). А, умоляя Машу идти побыстрее, ожидавшая их в центре совершенно пустого пространства, озябшая, пританцовывавшая от нетерпенья Акнир показывала ладонью куда-то в небо.

— Похищение не удалось? — осведомилась Катерина Михайловна.

— Как оно могло не удалиться!.. — упрятанная в пуховый платок и тулуп ведьма нервозно извлекла из обширного кармана новый учебник и сунула Кате. — На, почитай. Рассказывать времени нет.

Тут все в подробностях. Историки привирают, конечно, но они всегда это делают. А в целом, все правда. Беда у нас, Маша...

Быстро размяв окоченевшие пальцы, девчонка сотворила щелчок и...

Бескрайнее поле стало лесом. Серую весеннюю мглу сменило ослепительно-солнечное лето, бездорожье — ровный серый асфальт. Небо перекрыли высокие, в два человеческих роста ворота, с дистанционным управлением. Два дореволюционных экипажа остались в Прошлом — рядом на солнце сверкал новенький черный «ягуар».

— Мы в XXI веке? — сердце Дображанской забилося (она и забыла, что, оставшись Киевицами, Трое по-прежнему могут перемещаться во времени, и воспоминание сразу посулило множество прекрасных возможностей).

— Разве можно придумать более надежное место, чтобы припрятать царскую семью? — бросила ведьма.

Ворота бесшумно открылись, приглашая их в «там»... Акнир повела гостей по ухоженной дорожке, обрамленной высокими горделивыми розами. Впереди путников ждал небольшой особняк. Безмолвный монах шел за Машей с отрешенным видом телохранителя-тени, но присутствие постороннего не затронуло Катины

мысли — лжеотрок обладала безграничным кредитом доверия с ее стороны. В отличие от многоликой, переменчивой ведьмы Акнир.

— Что это за дом? — поинтересовалась Дображанская, снимая на ходу перчатки и шубу.

— Дом моей матери. Наш дом. Слепым сюда вход заказан.

— Еще один Провал?

Акнир промолчала: то ли пропустила вопрос мимо ушей, то ли сочла его риторическим.

Парадный вход приближающегося «дома матери» оплетали лепные изображения двух пышнобедрых и длинноволосых див, изогнувшихся в характерных для нового стиля эротических позах.

— Модерн, — со знанием дела сказала хозяйка «жемчужины» киевского Модерна — Дома с Химерами.

— Что же еще?.. — в одночасье ответили ведьма и Отрок.

Обе сказали это как нечто само собой разумеющееся, а сказав, обменялись короткими взглядами посвященных, испытывающих степень посвящения друг друга.

Их взгляды заинтересовали Катю куда больше неразъясненной беды, ставшей под час похищения.

Принявший посетителей круглый холл походил на вестибюль Катиного химерного дома с

извивающимся зеленым осьминогом на потолке и настенными росписями глубокого синего цвета, изображавшими морское дно с затонувшими, мертвыми кораблями.

Здесь стены запечатлели чудесный сад: ирисы, лилии, калы, орхидеи и розы... С потолка свисала разноцветная люстра с плафонами в виде тех же цветов. Их нарочито прекрасные, неестественно вытянутые лепестки напоминали хищные щупальца.

Из Машиных записей Катя знала: все эти цветы используются в ведьмацких отварах. Это, наверное, и объединило их...

«Колдовской сад, — Катерина бросила песцовую шубу на столик под вешалкой. — Недурственный образчик Модерна», — надменно признала владелица киевской «жемчужины».

С тех пор, как Екатерина Михайловна переселилась в легендарный дом Городецкого, Модерн стал ее излюбленным стилем. Но, как оказалось, не только ее...

Дверь с витражными стеклами вывела на парадную лестницу.

«Рябушинский бы сдох...» — подумала Катя.

Токмо в минуты наибольшего волнения г-жа Дображанская переходила на полузабытый ею неизящный язык, а в эту минуту она как никто понимала гипотетические чувства банкира. Четыре

года тому Катерина Михайловна приложила немало сил, чтоб получить приглашение в московский особняк Рябушинского и лично взглянуть на знаменитую парадную лестницу... Лишенные каких-либо прямых линий, ее перила стекали по мраморным ступенькам, как морская волна, по волшебству обращенная в камень. У подножия лестницы волна вставала на дыбы, и на гребне ее сиял причудливый фонарь в форме хищной ассиметричной медузы. Внутренняя отделка дома московского миллионщика на Малой Никитской улице считалась непревзойденной вершиной, «алмазом» русского Модерна. Но, порожденная фантазией первого владельца Химер, «жемчужина» Киева и белоснежная колдовская лестница, увешанная телами мертвых животных и птиц, могла поспорить с «алмазом», а то и выиграть спор!.. Однако ныне обладателям двух бесценных «камней» оставалось лишь окочуриться от зависти разом.

Катерина застыла, потрясенная представшей грезой. Свет не видывал творенья прекрасней! Женские тела, нежащиеся в объятиях друг друга, потягивающиеся, изгибающиеся в томных и страстных, неприлично естественных позах, сплетались в единый узор перил. Редкий оттенок мрамора, розовато-телесный, передавал всю трепетность человеческой кожи: мраморные

прожилки на внутренних сгибах локтей и точеных женских шейках казались реальными венами, проглядывающими сквозь нежную плоть... И не одна мужская рука наверняка потянулась бы к ней, вдруг уверовав, что под гладкими холодными телами бежит живая теплая кровь.

Лестница поражала не столько красотой, сколько кричащей, вопиющей чувственностью — эротическим шоком, точно кто-то сознательно, скрупулезно собрал в позах, изгибах, движениях, взглядах каменных див все вечные женские уловки, ловушки, капканы, разящие мужчин наповал.

— Я не специально, — сказала Акнир, обращаясь к лжеотроку. — Просто второго такого надежного места на свете нет.

— И все-таки... — строго ответила Маша.

Судя по всему, эти двое отменно понимали друг друга.

На верхней площадке женственные перила завершались фонарями — две греховно прекрасные девы протягивали длинные цветки кувшинок в сторону высеченной на противоположной стене обнаженной полногрудой и широкобедрой богини в головном уборе из двух рогов.

Миновав ее, процессия свернула направо, в оранжерею с множеством растений в горшках и кадках. Высокие стены были увиты буйным плющом.

— Тут подождешь, — наказала Маша монаху.

Инок покорно опустился в современное кресло — с вероломной изгибистостью плюща его линии: ножки, поручни, спинка — стекались к сидящему, точно намеревались, улучив подходящий момент, вцепиться в него.

«...как вода дробит камень, как немощный плющ губит могучее дерево, так и простые слова мои погубят великого, погубят могучего...» — выкинула память Кати строку из заклатья.

Женщины двинулись дальше. Взгляд Дображанской невольно выхватывал яркие детали... Лампу с бронзовой ножкой в виде скрутившегося в неестественный, прельстительно изысканный узел стебля кувшинки.

«Отвар № 7. Скрутите стебель болотной кувшинки в узел покорности...»

Вазу из бисквитного фарфора: три наяды, с хищными женскими лицами, летели на гребне волны.

«Заря морская Анастасия, заря морская Акулина, заря морская Анна...»

Статуэтку из многослойного стекла с аппликацией, стоящую на высокой жардиньерке: зеленоватая человеческая рука — вытянутые пальцы, ладонь и запястье — облепила нехорошая слизь, рыжеватая, буроватая... Рука утопленника!

«Возьмите руку утопленника... — у

Екатерины Михайловны застучало в висках. — Это тоже было, в каком-то из зелий!»

Озарение было рядом, стучало в виски, просило впустить его...

Но его спугнула юная ведьма.

— Здесь, — натужно сказала Акнир, останавливаясь у отмеченной жардиньеркой двери. — Только тихо. — Она осторожно отворила одну из створок.

И чередка Катиных модерновых ассоциаций достигла кульминации.

* * *

Комната, которая могла бы служить матери и бабке Акнир уборной, а могла служить и иным, тайным, целям, вся была устремлена к огромному зеркалу, занимавшему целую стену.

«Омут», — подумала Катя.

Большое голубоватое стекло обрамляла чудесная лепнина: крупные водяные лилии, перламутрово-белые, желтые, розовые цветы и ядовито-зеленые листья на фоне цвета болотной ряски.

В отличие от помпезного бело-золотого барокко, стиль Модерн обожал обряжаться в природные цвета и, обожая их, обнажал суть природы... Не пасторальные пейзажи, готовые

улечься покорным ковром к ногам человека, — всевластная Великая Мать!

Три пустых ярко-зеленых стены перетекали в мягкий зеленый ковер с похожим на водоросли длинным колышущимся ворсом, засасывающим ногу по самую щиколотку. И, глядя на заполонившее четвертую стену титаническое зеркало, ты вдруг понимаешь, что смотришь на водную гладь не снаружи, а со дна водоема глазами поработанного им утопленника.

«Утопленник» стоял перед зеркалом — выпрямив плечи, выпятив грудь, гордо задрал подбородок...

— Я покажу им, кто властелин! — грозно изрек он.

— Ты! Ты! Ты — мой герой!

...а на коленях пред ними, утопив нос в ковре, стояла Даша Чуб.

— Мы! — вскрикнул мужчина. — Мы, Николай второй, император и самодержец российский, царь польский, великий князь финляндский...

— Ты — просто бомба. Ты просто бомбовый царь! — завторила Даша, глухо отстукивая лбом в такт своим утверждениям.

И Катерина Михайловна угадала в «утопшем» царя Николая II... И усомнилась в своей догадке.

Царь Николай был невысок и скучен лицом, в

его больших непонятных глазах всегда было слишком много отрешенности, слишком мало значительности и жажды выпятить свою значимость. Неприметная обычность, почти монашеская постность его лица раздражала многих, а многими принималась за надменность и сухость.

— Я всегда был слишком добр, и все этим пользовались!.. Но время моей снисходительности и мягкости миновало. Теперь наступает царство воли и мощи!

— Да! Да! Ты всех их порвешь!!! — убежденно крикнула Чуб.

И Катерина Михайловна была готова согласиться с ней.

Жестокость и страсть, перечертившие лицо экс-императора, наделили его магнетической притягательностью надвигающейся бури. Поза, осанка, решительно расправленные плечи одарили фигуру величием. Он казался высоким. Казался опасным... Казался способным на все!

— Обещаю... Я буду Петром Великим! — разрезало воздух. — Я буду Иваном Грозным. Я буду императором Павлом! — слова прозвучали пугающе. Страстная ненависть шторма рокотала в его обещании. — Я заставлю всех дрожать передо мной, раз мой народ не понимает иной любви, кроме дрожащей. Раз самые жестокие, самые кровавые монархи были названы лучшими, а за

мою доброту меня нарекли Николаем Кровавым... Я никогда не упускал случая показать им доброту и любовь... Но любви одной им мало... Я дам им кулак! Такова их натура. Они говорят: «Нам нужен кнут». Ребенок, обожающий отца, должен бояться разгневать его... Они должны научиться бояться меня. Их следует научить повиновению!

— Да! — с готовностью поддакнула Даша. — Их место под плинтусом! Мы всех загоним под лавку...

А Кате почудилось, что омут комнаты закрутился воронкой, кипящей, почти осязаемой ненависти, готовой затянуть в глубину все и вся.

— Я сокрошу их всех. Я утоплю их в крови. Я соберу тех, кто мне предан, и сам их возглавлю... Все, кто откажется повиноваться, будут расстреляны! Все, кто осмеливается бунтовать, будут расстреляны! Всех пропагандистов — расстреливать на месте...

— Пусть только вякнут, я сама пристрелю! — поклялась Даша Чуб.

— Я объявляю в стране военное положение. Россия выходит из Великой войны. Раз мои союзники предали меня...

— Да! Антанту на мыло!

— Если Аликс еще раз осмелится назвать меня своим бедным слабовольным муженьком, она будет помещена в монастырь... Жена должна знать

свое место!

— Что это? — не выдержала Катя.

Акнир быстро приложила палец к губам и бесшумно вернула дверную створку на прежнее место.

— Присуха, — сквозь зубы сказала она. — Теперь они оба безумно любят царя.

— И как скоро это пройдет? — тревожно уточнила Екатерина Михайловна.

— Надо выждать тридцать один час и отпоить отваром из ямши... — кисло проговорила девчонка.

— Слава те, Господи, — уняла волнение Катя. — Тридцать один час — не так много.

— Я еще не сказала, — криво договорила Акнир, — сколько их нужно отпаивать. Ей хватит суток. Она — эгоистка. Главное, чтоб не видела рядом предмет любви — и попустит.

— А он?

— Я не знаю! — вскрикнула ведьма, и в ее васильковых глазах заплескался пульсирующий страх. — Сильный передоз наслои́лся на дурацкий характер. По духу Николай был типичною жертвой... Он не умеет сопротивляться любви. В том числе и этой. И я не знаю, я просто не знаю, сколько ему нужно времени. Год, пять лет, десять или же... ЭТО ВООБЩЕ НЕ ПРОЙДЕТ! — ведьма в отчаянии прикрыла глаза, затрясла головой. — Можно попробовать наложить на него Подчинение,

но побочный эффект непредсказуем, вплоть до летального исхода... Это конец! Если мы покажем его в таком состоянии матери, вдовствующей императрице... Его нельзя ей показывать! По дороге сюда Николай успел рассказать жене, что в случае неповиновенья она отправляется в монастырь. Его мама, видимо, едет туда же... Он не желает и слушать о том, чтоб передать престол сыну. Он желает вернуть себе власть и вешать людей на столбах.

— Все, как она хотела... — тихо сказала Маша.

— Поражаюсь твоей редкостной памятью, — с неприкрытою лестью на подобострастных устах Акнир повернулась к лжеотроку. — Сколько лет прошло, а ты помнишь учебники. Все верно, жена Николая II, Аликс, так и не стала истинно православной, в глубине души она никогда не могла понять склонности «своего слабовольного муженька» подставлять всем вторую щеку. Это она умоляла его стать Иваном Грозным... не слишком задумываясь об участи семерых жен Ивана. Вы, слепые, вечно не хотите понять, что добро — это зло, и наоборот. Стань Николай — Грозным, его бабы первыми бы получили добрую взбучку. И никакой революции не было б вовсе.

— Да, эту бы грозность да в минувший

февраль... — вздохнула Катерина Михайловна, — когда Николай еще сидел на престоле. Он мог все изменить... Теперь слишком поздно.

— Мария Владимировна, — елеино прошелестела Акнир, — Маша... Ты одна можешь помочь. Ты можешь все... Ты поможешь ему?

«Любопытно, почему Маша может помочь, а Наследница, чароплетка и дочь Киевицы — нет?» — вычленил мозг Дображанской несказанное и самое главное.

* * *

Тихо, не скрипнув петлями, Маша вновь распахнула дверные створки, желая еще раз взглянуть на человека, узревшего свое отражение с обратной стороны, со дна темного омута. На Царя, впервые познавшего свою глубинную, звериную суть. На Николая II, страстно взирающего на свое отражение в зеркале...

И бывшего ее отражением!

Они были похожи: Киевица и последний император Руси, преуспевший на своем поприще жертвы.

Всю жизнь он пытался всех примирить: маму с женой, жену с сестрами, братьями, великими князьями, старца Григория с правительством, вечно недовольную Думу с очередным

премьер-министром... За трехсотлетие правленья Романовых история не знала царя, думавшего о самом себе меньше, больше желавшего всем одного лишь добра.

Они были похожи!

Что б он ни делал, его добро неизменно обращалось во зло. Зло нарастало...

И, как и Машу, его, всемогущего царя, призывали воспользоваться своей безграничною властью. Заточить жену в монастырь, призвать страну к повиновению, утопить в крови восставший гарнизон в Петрограде. И спасти всех...

Как и она, он мог всех спасти!

Но он отказался признать, что зло — это добро.

Вместо того, чтоб сражаться, он покорно отдал свой трон и, «во избежание смуты», самолично призвал народ повиноваться предавшему своего императора новому правительству... И своим радением о всеобщей любви и замирении вызвал ненависть даже в кругах преданных ему монархистов!

Никто по сей день не смог оценить его поступок. Ни мать, осудившая его. Ни великие князья, посчитавшие его потерявшим рассудок. Ни народ, который он желал уберечь от гражданской войны. Ни союзники, коих он не пожелал предать, прекратив бессмысленную для России Великую

войну. Ни исследователи... Все историки (включая когдатощнюю студентку исторического факультета Машу Ковалеву) считали Николая II безвольным...

Откуда им всем было знать, какой нестигаемой волей должен обладать человек, могущий все и презревший свое всемогущество, чтобы встать на колени перед иконой Творца и сказать Ему: «На все воля твоя!».

Они были похожи!

Как и ему, ей судилось погибнуть и погубить.

Как и она, прознав о неминуемой гибели, он не усомнился ни в своем несопротивлении злу, ни в своей вере.

«Отец просил передать, — незадолго до расстрела Семьи написала его старшая дочь Ольга, — всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит, а только любовь...»

Воистину, за трехсотлетие правленья Романовых история не знала царя христианнее его. Царя, чья слепая вера в Бога вызвала б больше осуждений, нареканий, сомнений...

И, воистину, на всем белом свете не существовало ни человека, который понял бы

монарха Руси огромней и глубже, чем Маша. Ни человека, чье превращение в полную противоположность свою могло б больше убедить Машу в ее правоте.

«Не зло победит, а только любовь...»

«Я утоплю их в крови!»

С протестующим грохотом лжеотрок захлопнула дверь в омут своих тайных страхов и страшных сомнений.

— Я умоляю, Мария Владимировна, — пальцы Акнир сплелись в молящий «замок». — Ну что вам стоит? Помогите ему...

— Я помогу ему. Как только он и Семья окажутся за границей, — непререкаемо сказала Маша.

— Нет! — руки ведьмы взметнулись, как стая птиц, испуганных выстрелом.

— Собственно, так и написано в новой истории, — заметила госпожа Дображанская, использовавшая возникшую паузу, чтоб изучить нужный абзац новоявленного учебника за 7 класс. — Царь Николай был спасен и перевезен за границу. В Данию, на родину матери...

— Нет! — вскрикнула Акнир. — Все будет по-другому. Это просто случайность...

— На случайности, — улыбнулась лжеотрок, — и строится формула Бога. Неужели ты до сих пор не осознала, ты зря идешь против Него.

Он — наш Господь. Тебе его не переиграть. Как видишь, он все равно все сделал по-своему. Спасение ничего не изменило.

— Революция будет в октябре, — Катерина постучала пальцем по книжным листам. — Забавно, даже число не изменилось!

— Нет. Нет! — На Акнир было жалко смотреть.

— Однако, — озадачилась Катя, — что мы будем покамест делать с царем? Больно в нем решимости много. Вдруг сбежит войска собирать?

— Отсюда не сбежишь, — угаснув, прошептала Акнир. — Я больше за царицу Аликс боюсь, — взяв себя в руки, ведьма взглянула на Машу прямым красноречивым взглядом. — Она, бедняжка, пятнадцать часов, как в истерике бьется. Похищение, перелет на «Илье»... А пока мы летели, царь все говорил, ни на секунду не умолкал. Он все ей сказал! Все, что может сказать человек, который ее больше не любит. Боюсь, как бы беды не случилось... Ведь в нем вся ее жизнь. Сама знаешь, ты же историк.

На этот раз ведьме удалось достичь желаемой цели. Лжеотрок молча кивнула и, не дожидаясь указаний Акнир, шагнула в соседнюю дверь.

* * *

«Но это немыслимо!» — возопил мозг Дображанской.

Стены нового зала переливались разноцветным стеклом. Снова сад, но какой! Объемные стеклянные цветы выростали из стен, на них сидели шмели, жуки и стрекозы. Изготовленные неведомым ювелиром, их крохотные тельца из металла, стекла, эмали, драгоценных и полудрагоценных камней могли бы украсить любой царский корсаж. Стекланный алмазно-рубиново-сапфировый зал мог украсить любой королевский дворец!

Три высоких витражных окна из фиолетово-охрово-синих, подсвеченных солнцем стекол навевали ассоциации с церковью. Но вместо положенных святых витражи отображали титанических стрекоз. В их многократно увеличенных совершенных крыльях, круглых глазах и кривых лапках была красота и угроза драконов!

И Катя сразу же вспомнила, что на английском стрекоза именуется «dragonfly» — муха-Дракон.

— Сюда, — показала на двери Акнир.

Потолок следующего зала подпирали колонны... неровные, кособокие, из грубо отесанного камня, они изгибались и кренились, обещая упасть, — и, оказавшись меж ними, ты

сразу ощущал себя в пещере накануне обвала, и естественный страх накатывал одновременно с восторгом — зал был грозиво красив.

«Власть камня», — перевела архитектурную мысль Катерина.

По-видимому, каждая комната «дома матери» была посвящена власти природы: власти омота, власти насекомых, власти цветов...

На ходу Катерина дотронулась до зеленоватой вазы, из бока которой вырастал огромный, объемный цветок ириса.

«Сорванный в нужный час лиловый ирис поработит...»

И незаконченная мысль завершилась!

Каждая великая эпоха, ознаменовавшаяся большим стилем, возвеличивала своего кумира. Готика возносила Господа Бога. Ренессанс — человека, как венец мироздания. Барокко — короля, императора, властителя земли.

Но Модерн...

Стиль Модерн делал крохотную стрекозу, один-единственный цветок не менее значимыми, чем личность Юлия Цезаря.

«Этот цветок, — кричал Модерн с насмешливым вызовом, — сильнее Цезаря, ибо, добавленный в пищу, он способен поработить полководца!»

Модерн игнорировал власть небесного Бога и

земного царя. Модерн отрицал власть человека. Модерн отрицал человека в понимании общества; он признавал лишь Природу и Женщину.

Катерина поспешно покинула пугающе-«падающий» зал. И припомнила: по замыслу христианских архитекторов небесная красота и громада соборов принуждала человека почувствовать себя ничтожным в сравнении с Богом... Так же, как и отображенная здесь, в модерновом декоре, поражающая красота всевластной природы, одним своим видом разрушающая миф о людском превосходстве!

Одна за другой комнаты окружали ее, кружа в голове Дображанской обрывки заклиний и заговоров.

«Модерн», — отпустила она тоном ценителя изящных искусств.

«Как могло быть иначе?..» — отозвались ведьма и Отрок.

«Я не специально, — повинилась Акнир. — Просто второго такого надежного места на свете нет».

«И все-таки...» — выказала недовольство Маша.

Ибо юная ведьма поместила царскую семью вовсе не в загородный дом своей матери!..

Миновав последний зал, из пола которого вырастали горящие красным стеклом

светильники-тюльпаны, они вновь вышли на верхнюю площадку парадной лестницы из сплетенных женских тел, устремленных к грудастой фигуре в двухрогом головном украшении.

— Пойдите. Мы что же, в языческом храме?! — осознала вдруг Катя.

— Ну, я же сказала... — недовольно протянула Акнир.

— Когда ты сказала «дом моей матери», ты имела в виду Великую Мать? Ее? — Катя показала на рогатую даму.

— Более безопасного места нет, — повторила юная ведьма.

Однако в правой части особняка Модерн вдруг поскромнел, прикинулся буржуазным женственным стилем, подобно женщине, прикидывающейся скромной и милой, любящей мужа, не помышляющей ни о чем, кроме семейного уюта и счастья.

Они прошагали сквозь маленькую библиотеку с тремя низкорослыми книжными шкапчиками, будуар с кривоногим и ассиметричным бюро, комнату для рукоделия, отчего-то неуловимо знакомую, выведшую их в коридор. Его окна выходили на противоположную — внутреннюю — сторону дома, представлявшую цветущий розарий с фонтаном в форме большого металлического букета

бело-зеленых кал. На его бортике сидела юная девушка. Склонившись над сафьяновой тетрадью, сжав во взволнованных пальцах карандаш, она что-то быстро писала.

— Кто это? — спросила Катя.

— Великая княжна Татьяна... Пришли.

Ведьма указала глазами на дверь, постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в залитую солнцем лиловую спальню.

* * *

— Оставьте меня! — попытался выдворить их обратно женский голос, истеричный, хрипяще-надорванный.

Страшная толстая старуха — Аликс Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, окрещенная в Крыму Александрой Федоровной, лежала посреди огромного ложа Модерн. Спинка кровати нависала над ней в виде огромной, расправившей крылья бабочки.

Странный языческий дом говорил убедительней и красноречивее слов, оставляя гостям удивляться точности высказанного ими суждения. Бывшая гусеница — маленькая тонкогубая немецкая принцесса, пленившая некогда душу наследника российского престола.

Бывшая прекраснокрылая бабочка-императрица российская. Бабочка, пойманная в сачок... Бабочка с пронзенным булавкой сердцем, конвульсивно бьющая крылышками...

Волосы Аликс были растрепаны. Глаза — красны и безумны. Бледные щеки покрывали нехорошие пятна. Она тяжело дышала и ежесекундно кусала нижнюю губу.

Рядом, на постели, сидела девушка лет двадцати. Видимо, ее старшая дочь Ольга. Еще две дочери, младшие — Мария и Анастасия — стояли рядом. Облаченные в мешковатые блузы и юбки, коротко стриженные после тифа принцессы мало походили на красавиц-принцесс. У окна, на низкой скамеечке, горбился мальчик с каштановыми волосами и испуганным взглядом потерявшегося пса.

— Мама́, — старшая дочь Ольга произнесла родное слово на французский манер, с ударением на последнем слоге, — прошу вас... — моляще указала она глазами на дверь.

— Кто вы такие? — крикнула Аликс, выворачивая шею. — Я не желаю вас видеть. Что вы сделали с Ники? Это не он!.. Где мой муж, где мой мальчик, мой бедный ангел... Где он?! Отдайте его...

Ее дыхание сделалось лихорадочным, большие полные руки посинели. Борясь с

истерическим припадком, царица закусила губу. Хрипло выдохнула и затряслась — она задыхалась.

— Верните мне Ники... Я не могу без него. Верните!.. Я не могу жить...

— Не о том просишь, Мама! — сказал грозный мужчина.

«Какой мужчина. Откуда?..» — попыталась понять Катя.

Протиснувшись между Акнир и госпожой Дображанской, в центр спальни шагнул худосочный монах в черном куколе; замороженная языческим домом, Катя и не заметила, как и когда он присоединился к ним вновь.

Аликс пружинисто села в кровати — только один человек, кроме ее детей, мог назвать императрицу российскую «мамой». Попросту «мамой», без всяких французских ударений.

— Разве затем я тебя в Киев покликал? — спросил монах, снимая с головы капюшон.

И второй раз за час Катя не поверила собственным глазам... Сибирский мужик, «святой старец», «святой черт» Григорий Распутин был, в ее понимании, огромным, высоким, а этот — субтильным, ниже среднего роста. Или огромность, оставшаяся в памяти и в мемуарах его современников, проистекала сугубо из огромности производимого им впечатления?

Но сей занятный психологизм был

немедленно оттеснен иной заковыкой:

«Разве затем я тебя в Киев покликнул?» — спросил он.

— Наш Друг... Наш Друг жив... Мы спасены! — С прыткостью юной девушки царица вскочила с кровати, подбежала к старцу, пала пред ним на колени и, вцепившись в его корявую руку, осыпала ее поцелуями.

— Утри слезы, Мама, и верь. Верь и терпи, — властно сказал святой старец, который, говоря к слову, был вовсе не стар и выглядел намного моложе той, кого звал своей «мамой».

— Но Ники... мой Ники... За что же... за что? — жалобно всхлипнула Аликс.

— Господь так решил, Его и пытай, — нравоучительно изрек Григорий Распутин. — Да не за что, а по что? Может, Он твою веру испытывает. А может, в том умысел Его величайший. Раз так случилось, и Папа в затмение вошел, как ты могла в решении Его усомниться? Это теперь-то, теперь... когда Он мужу твоему, тебе, детям твоим чудесное спасенье послал? Когда наизаветнейшее горе твое излечить надумал?

С видом пристыженной девочки царица вскочила с колен, завертела растрепанной седой головой, запрыгала взглядом:

— Где же он? Где?

— Гляди, Мама, вот ОН, — отстранив Акнир,

Друг императрицы обнажил дверной проем, обрамлявший невысокую худую фигуру лжеотрока.

— Отрок Пустынский! — зашлась в крике царица. — Отрок святой, помоги, — опухшее заплаканное лицо Аликс придвинулось к Маше — царица вытянула шею, выбросила полные руки вперед. — Прости меня, Отрок святой, я слаба, Господь послал мне испытания тяжкие, страшные... Но не о том, не о том я молить тебя прибыла! Сына моего исцели... Маленького. Нет избавленья. Моя вина, моя кровь его губит, Гессен-Дармштадтских. Брат мой умер у меня на глазах... Маленький мой всю жизнь на волос от смерти ходит... Одна царапина, и кровь не остановит никто... только молитва святая Нашего Друга. Друг Наш сказал, ты один можешь помочь. Ты его спас... Спаси и моего малютку.

Маша взглянула на Распутина; на миг Кате померещилось, что в опустевших глазах, обращенных к святому черту, мерцает упрек — видимо, об обещании излечить сына, которое старец дал бывшей царице, сама лжеотрок не знала ничего. Каждый здесь плел свою интригу.

— Иди ко мне...

Пальцы Маши позвали цесаревича. Мальчик встал со скамьи, приблизился к ней без робости и без надежды. Оттененные вьющимися светло-каштановыми кудрями бледные черты